

Полуденный разговор с Е Мянem так разозлил Чжуан Сюя, что у того кровь бросилась в голову, а сцепленные за спиной руки мелко задрожали. В конце концов подслушивавший снаружи Евнух Ся не выдержал: испугавшись, как бы молодому хозяину от гнева не стало худо, он поспешил вмешаться. Воспользовавшись моментом, Е Мянъ тоже немного остыл, поклонился и вышел.

После полудня был любимый урок Е Мянъ — математика. Господин Цао устроил им небольшую контрольную. Е Мянъ с кислым видом управился с заданиями меньше чем за четверть часа. Слушая, как комната, полная «бестолочей», оглушительно щелкает счетами и трещит палочками для вычислений, он раздражался все сильнее, и его лицо становилось мрачнее тучи.

Господин Цао, заметив, что его любимый ученик сидит в одиночестве, опустив голову и дуюсь, счел это забавным. Он не спеша подошел ближе и поддразнил его:

— Что такое? Неужто кто-то задолжал тебе денег и не возвращает?

Окружающие молодые господа прыснули со смеху. Е Мянъ сердито сверкнул глазами и прикрикнул:

— Чего зубы скалите! Щёлкайте своими счетами!

Господин Цао отвесил ему легкий подзатыльник и мотнул подбородком в сторону двери:

— Коли все написал, иди прогуляйся у озера. Хватит тут на всех огрызаться. Далеко не уходи и делов мне не натвори.

Е Мянъ, потирая затылок, почтительно поклонился господину Цао и выбежал вон.

Пробродив у озера всю вторую половину дня, он изрядно успокоился. После окончания занятий Е Мянъ не поехал в поместье Е, а приказал кучеру править к резиденции премьер-министра.

Фэнцзинь привычной дорогой направился к задним воротам, чтобы позвать кого-нибудь, и вскоре оттуда воровато выскользнул Яоцюань, слуга Вэй Аньюаня.

Яоцюань был с ними хорошо знаком, поэтому, едва увидев Е Мянъ, соорудил такую жалобную мину, что едва не расплакался.

Е Мянъ поспешил к нему и с тревогой спросил:

— Что, неужели его побили?

Яоцюань, надув губы, кивнул:

— Наш господин собственноручно отходил его палками, никто не смог помешать.

Е Мянъ испугался и поспешно спросил:

— Сильно побили?

Яоцюань вытер глаза рукавом и всхлипнул:

— Он даже встать не может. Лежит сейчас на животе и буянит, ни у кого еду не принимает.

Целый день маковой росинки во рту не было, даже воды не пил.

Е Мяннь разволновался не на шутку:

— Я пойду навещу его.

Яоцюань тут же преградил ему путь:

— Молодой господин Е, мой хозяин строго-настрого наказал мне не впускать вас в усадьбу.

— Но почему? — взволнованно спросил Е Мяннь.

Яоцюань огляделся по сторонам и прошептал:

— Хозяин сказал, что раз господин премьер-министр побил его впервые, ему нужно поднять как можно больше шума, чтобы выторговать себе побольше поблажек. Иначе побои пропадут зря. А если вы придете, он не сможет продолжать представление.

Е Мяннь потерял дар речи. «Значит, приложили его все-таки недостаточно сильно».

Яоцюань снова предложил:

— Четвертый молодой господин Е, может, вы придете завтра? — Он смущенно почесал затылок и зашептал: — Сейчас бунтует не только двор нашего хозяина. Госпожа и второй молодой господин тоже ругаются с господином. В резиденции премьер-министра уже сутки нет покоя.

— А с ними-то что стряслось? — удивленно вытаращил глаза Е Мяннь.

— Госпожа из-за того, что господин побил нашего молодого хозяина, честит его весь день напролет.

Е Мяннь понимающе кивнул. «Вот она, родная мать».

— А что стряслось с братом Цинем?

Яоцюань вздохнул:

— Второй молодой господин тоже поссорился с главой семейства из-за того, что тот поднял руку на нашего хозяина. Они так кричали друг на друга! В итоге господин отлупил и второго молодого господина тоже...

Е Мяннь остолбенел. «Вот это я понимаю — родной брат! Е Цзин, поучился бы у людей!!!»

— И как он, с братом Цинем все в порядке? — спросил Е Мяннь.

Яоцюань кивнул:

— Второму молодому господину досталось всего пару раз, так что он не пострадал. Сейчас он ушел из поместья, чтобы свести счеты с виновником.

— Хм? С кем?

Яоцюань слегка подался вперед и зашептал Е Мянню на ухо:

— Говорят, это князь Жуннань из Цзиньлина. Второй молодой господин отправился на его

поиски и твердо намерен проучить этого наглеца!

Е Мяннь почувствовал, как у него потемнело в глазах.

«Лучше бы я просто умер».

Слова автора:

Ван Сиси: Мой огурчик еще свеж и чист, не верьте слухам, которые распускают хейтеры!!!

#Слухи родятся из ничего, а на их опровержение уходит куча сил# (ノ`□´)ノ`□`

Автор: На самом деле мне не так важно, девственны ли герои в начале истории, но здесь они еще слишком юные, так что я просто не могла прописать им отсутствие чистоты. К тому же, главный герой по натуре — самый самовлюбленный человек в мире, как бы он позволил кому-то прикасаться к своему... кхм, огурцу?

Сгустились сумерки. В кабинете павильона Бихуа горели свечи, заливая все ярким светом.

Несколько старших служанок проворно укладывали в сундуки разнообразную одежду и личные вещи Е Мяння, крутясь как белки в колесе.

Е Мяннь с недовольным видом сидел, скрестив ноги, на кушетке из грушевого дерева под окном, лениво перебирая тонкими белыми пальцами детали деревянной головоломки Кунмина.

Е Цзин взглянул на него, хмыкнул и с издевкой произнес:

— Разве ты не канючил без конца, чтобы я отпустил тебя развлекаться во двор Баофэн? Почему же теперь, когда я тебя отпускаю, ты сидишь с кислым лицом?

— Не наелся риса в твоём павильоне Бихуа, ясно? — Е Мяннь сегодня и так был не в духе, поэтому ответил довольно резко.

Е Цзин нахмурился и отчитал его:

— Я еще не успел задать тебе трепку, а ты уже дерзишь! Только и умеешь целыми днями донимать невестку. Что же ты не идешь капризничать в главный двор к отцу с матерью?

Е Мяннь фыркнул, но возразить не посмел.

Когда он недавно приехал в павильон Бихуа, он был болен, поэтому Цзян Наньчу, разумеется, преданно ухаживала за ним. Она очень заботилась о его питании, каждый день наказывая служанкам уговаривать его съесть хоть ложечку. И любые его кулинарные пожелания в павильоне Бихуа исполнялись беспрекословно.

В прошлой жизни Е Мяннь привык к блюдам на растительном масле и недолюбливал местный животный жир, поэтому невестка посылала слуг искать семена сурепицы и чайного дерева, чтобы выжать масло специально для него. А обычный рис казался ему слишком жестким для больного горла, поэтому Цзян Наньчу приказала поварам перемалывать крупу по несколько раз, замачивать ее в теплой воде, перетирать руками и промывать в холодной воде до тех пор, пока зернышки не станут кристально чистыми. Затем рис варили на пару в глиняной пароварке. Приготовленный таким образом рис получался клейким, но не липким, нежным, но не разваренным. Благодаря тому, что еду готовили с такими хлопотами изо дня в день, Е Мяннь во время болезни не потерял аппетит.

— Ну что молчишь? У тебя же всегда на все готов ответ? — громко спросил Е Цзин.

Е Мяннь отбросил головоломку в сторону и, отвернувшись, проворчал:

— Разве это называется «отпустить»? Ты меня просто выгоняешь! Посреди ночи взялся собирать вещи, будто мне и одной ночи нельзя здесь переждать...

— Глупости не говори, — негромко прикрикнул Е Цзин, а затем объяснил: — Завтра до рассвета мне нужно уехать в Мичжоу. Ты уже взрослый, как ты можешь оставаться ночевать в павильоне Бихуа один?

Е Мяннь опешил.

Е Цзин посмотрел на него и, покачав головой, добавил:

— Через пару дней твой день рождения, тебе исполнится четырнадцать. Пора понимать правила приличия и держать дистанцию, нельзя больше капризничать перед невесткой.

— А когда у меня будут выходные, ты все еще будешь забирать меня в павильон Бихуа?

Е Цзин тяжело вздохнул:

— В будущем тебе самому предстоит обзавестись собственной семьей и стать главой дома. Если ты будешь постоянно нежиться под крылышком у матери и у меня, как ты повзрослеешь?

Е Мяннь долго молчал, а затем опустил голову и тихо буркнул:

— Хаит меня дурить. Я знаю, почему ты так спешишь меня прогнать. Я все слышал.

— Хм? — Е Цзин приподнял бровь. — И что же ты слышал?

Е Мяннь не смотрел на брата, а лишь тихо проговорил, опустив взгляд:

— В тот день я проснулся, но глаз еще не открыл. И услышал, как Пэнлу, служанка невестки, по секрету рассказывала Баонянь, что у невестки, кажется, обнаружили беременность. Только срок еще совсем маленький, поэтому они не хотят разглашать это раньше времени.

Е Цзин опешил на мгновение, а затем усмехнулся:

— Надо же, подслушал все-таки.

Но Е Мяннь даже не улыбнулся. Он лишь пробормотал:

— Скоро у тебя родится сын...

— И что с того?

Е Мяннь и сам толком не знал, что сказать, поэтому лишь поднял глаза и зыркнул на брата.

Его взгляд был полон глубочайшей обиды.

Е Цзин не сдержал тихого смешка. Он подошел к окну, наклонился и ущипнул Е Мянню за мягкую щеку:

— Малыш еще даже не родился, а ты уже ревнуешь?

Е Мянью смахнул руку брата:

— Не щипай меня за лицо, я уже взрослый. — «Иди потом своего сына тискай», — подумал он.

Е Цзин со смехом вздохнул, сел рядом с ним и, приобняв за плечи, принялся успокаивать:

— Детей у меня может быть много, а вот брат — только один. Чего ты киснешь?

Е Мянью надул губы. Вдыхая исходящий от Е Цзина тонкий аромат грушевого цвета, он недовольно протянул:

— И что с того? Сколько бы детей ни было, они все равно будут жить с тобой, а единственный брат должен посреди ночи собирать вещи и уезжать...

Бессильный перед его упрямством, Е Цзин пошел на попятную:

— Ну хорошо, хорошо. Никуда сегодня не поедешь, отправлю тебя обратно во двор Баофэн завтра утром.

Е Мянью фыркнул и пробурчал под нос:

— Больно надо мне тут оставаться, совесть-то у меня есть.

— Ну полно тебе дурачиться, — мягко упрекнул его Е Цзин.

<http://bllate.org/book/18289/1753892>